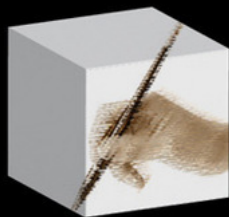

Ирина

Горюнова

Современная русская литература: знаковые имена

(статьи, рецензии, интервью)

Александр Ткаченко.
Алексей Дидуров.
Тимур Кибиров.
Эдуард Кочергин.
Вадим Левин.
Захар Прилепин.
Иосиф Райхельгауз.
Дмитрий Быков.

Захар Прилепин.
Валерий Казаков.
Дина Рубина.
Евгений Степанов.
Евгений Евтушенко.
Роман Виктюк.
Андрей Коровин.
Сергей Костырко.
Иосиф Райхельгауз.
Марина Палей.

2011

Ирина Стояновна Горюнова

Современная русская

литература: знаковые имена

(статьи, рецензии, интервью)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947965

Горюнова И. Современная русская литература: знаковые имена (статьи, рецензии, интервью): Вест-Консалтинг; Москва; 2012

Аннотация

Ясно, ярко, внятно, рельефно, классично и парадоксально, жестко и поэтично. Так художник пишет о художнике. Так художник становится критиком. Книга критических статей и интервью писателя Ирины Горюновой – попытка сделать слепок с времени, с крупных творческих личностей внутри него, с картины современного литературного мира, представленного наиболее значимыми именами. Дина Рубина и Евгений Евтушенко, Евгений Степанов и Роман Виктюк, Иосиф Райхельгауз и Захар Прилепин – герои книги, и это, понятно, невыдуманные герои. Тем ценнее жанр литературоведческого non fiction, выбранного для своего сборника Ириной Горюновой.

Содержание

Статьи и рецензии	4
Монументальный «совпис» и метафизические прозрения Леонида Леонова	4
Странный рыцарь ушедшей эпохи	11
Страшные сказки для президента	14
АКТуальные тексты Валерия Мишина	17
Время поэта	22
ПЫШУ СТЕХИ, или Блаженны нищие словом...	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ирина Горюнова
Современная
русская литература:
знаковые имена
(статьи, рецензии,
интервью)

Статьи и рецензии

Монументальный «совпис»
и метафизические
прозрения Леонида Леонова

Захар Прилепин «Леонид Леонов. Игра его была огромна».
М.: Молодая гвардия, 2010. (Серия «Жизнь замечательных
людей»; вып. 1427)

Захар Прилепин в своей новой книге о Леониде Леоно-

ве утверждает, что «игра его была огромна»: игра с жизнью, Сталиным, литературой... «Мир непомерный» этого писателя еще предстоит изучать и изучать. Многократный орденосец, лауреат Сталинской премии, Леонов, тем не менее, не просто автор «советских» «производственных» романов – его проза, особенно ранняя, толком еще и не изучена, да и сами романы не поняты.

Книга, безусловно, интересна, хотя бы тем, что Прилепин не пытается приукрашивать биографию автора, нивелируя те или иные его поступки, совершенные под давлением Сталина или под влиянием собственных страхов.

Судьба Леонида Леонова имеет две стороны: с одной – раннее признание маститых писателей (например, Горького), перевод его книг на все основные языки мира, массовое издание и переиздание книг, огромное количество научных работ, диссертаций, статей о его творчестве, с другой – запрещенные к постановке пьесы, растерзанные рецензентами романы, отсутствие крупных публикаций в печати в течение полувека, непризнание литературной значимости писателя кругом маститых литераторов...

Он прожил без малого век, век страшный и интересный. Судьба сталкивала Леонова со Сталиным, Вангой, Есениным, Горьким, Шолоховым, Булгаковым, Набоковым... Он оказал огромное влияние на творчество Виктора Астафьева, Юрия Бондарева, Валентина Распутина, братьев Стру-

гацких, но при этом жизнь его все равно для многих остается тайной. «Будучи в возрасте патриарха, – пишет Прилепин, – Леонид Леонов сказал как-то, что у каждого человека помимо внешней, событийной, очевидной биографии есть биография тайная и ненаписанная».

Никаких особых тайн, впрочем, Прилепин не открывает. Вряд ли можно считать шокирующим секретом то, что Леонов – бывший белогвардейский офицер, не испытывающий особого трепета и почтения ни к Белой, ни к Красной армии.

Первые, да и последующие опыты стихотворного словотворчества Леонова откровенно слабы и появляются в печати только благодаря тому, что отец Лени редактирует в архангельской газете «Северное утро». После закрытия этой газеты по материальным причинам, отец Лени, Максим Леонов, открывает другую – «Северный день». Юный Леонов осваивает профессии журналиста, корректора, наборщика и театрального критика, пишет практически обо всем, включая некрологи.

Судьба начинает благоволить к юному писателю, начавшему писать прозу, даже после прихода Красной армии – он получает предложение стать сотрудником газеты «Красная весть». Везет ему и потом, когда он становится сотрудником дивизионной газеты «На боевом посту», или когда инструктор политотдела, бывшая княжна, Софья Александровна Аргутинская-Долгорукая вычеркивает фамилию Леонова

из «расстрельного списка» – списка офицеров, по которым проводилось расследование. Список везений начинающего писателя можно продолжать довольно долго – но лучше прочитать книгу самому. Впрочем, добавлю только, что Леонову повезло влюбиться в дочь издателя Сабашникова – Татьяну. Нет-нет, никаких корыстных «расчетов» у молодого Лени не было, просто так сложилась судьба.

Оценивать фигуру классика такого масштаба сложно, а судить и вовсе невозможно. Многие писатели вынужденно или добровольно ставили свои подписи под «расстрельными» списками «бывших» товарищей. Леонову зачастую удавалось уклоняться от исполнения подобного «долга», хотя и не всегда. Прилепин пишет: «Леонов в разные годы века бывал и очарован, и оглушен, но никогда он не был раздавлен и унижен настолько, чтобы опуститься до бесстыдной подлости».

Один из самых известных романов Леонида Леонова, «Русский лес», вышел в 1953 году и сначала буквально был растерзан критиками, а, спустя некоторое время удостоен Ленинской премии. С одной стороны, «Русский лес» – роман «непреходимо советский», с другой – благодаря Леонову проблема сохранения леса вышла на первый план. Варварское отношение к лесопользованию в угоду планам пятилетки приняло глобальный масштаб, и Леонов, к тому вре-

мении депутат Моссовета, не мог не обратить на это внимания. Леонид Максимович ввязался в настоящую войну, приобретя многочисленных врагов, писавших на него жалобы в самые высокие инстанции (например, Васильева, заместитель директора Института леса Академии наук СССР). Прилепин пишет, что «Русский лес» – настоящий подвиг Леонова, особенно учитывая постановление ЦК партии (в ноябре 1953 года) о ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности. В определенном смысле роман «выхолощен» и картина советской жизни чрезмерно идеализирована, однако писатель вынужденно пошел на подобные действия и использовал «бесконечные трафареты социализма» для того, чтобы роман все-таки вышел в печать. В данной ситуации оказалось, что тема выше художественности. О «томительном ощущении внешней фальши» в романе говорили Александр Твардовский и Корней Чуковский. «Слишком много в романе полупоклонов советской власти, – пишет Прилепин, – которые Леонов делает малоспособной к гибкости шеей и не самым искренним словом». Что ж, всем свойственно ошибаться и кто посмеет осуждать Леонова?

В 1994 году Леонид Леонов издал свой последний роман «Пирамида», вышедший в не самое удачное время для литературы: падали журнальные и книжные тиражи, и оценить роман по достоинству было практически некому. «Пирамида» имеет подзаголовок «роман-наваждение» и начинается с

двух тем, волновавших писателя: присутствие Бога в нашем мире и Россия в пору великого социального эксперимента.

«Леонов рассказал однажды, что импульсом к последнему варианту написания «Пирамиды» стал вопрос: «Может ли человек обвинять Бога?». Думается, этот вопрос так или иначе волновал или волнует всех мыслящих людей. И Леонов не исключение.

Роман-игра, роман-обманка, наваждение – самая большая игра, которую оставил нам в наследство Леонов. Впрочем, это тема для отдельного разговора.

Книга заканчивается описанием сноса Старо-Федосеевской обители и пожаром. Что это: крушение веры, когда в итоге остается только пепелище, или сожжение наваждения и надежда на новое возрождение?

Ответ требуется искать самостоятельно.

Следует сказать, что, взявшись за жизнеописание слегка подзабытого советского писателя, Прилепин действительно взвалил на себя немалую ношу – Леонов прожил без малого сто лет (95). Удалось ли ему это? Скорее да, чем нет, и Прилепин старается описывать классика беспристрастно, показывая не только плотность его текстов, прозрения и удачи, но и его некоторые «прогибы» перед властью, невнимание к семье, творческую ревность по отношению к другим писателям... Безусловно, Леонов, в исполнении Прилепина, является человеком неоднозначным, сочетающим в себе «орде-

ноносный, монументальный совпис» и трагичность умнейшего писателя, загадывающего загадки своими многоуровневыми сочинениями. В общем, книга получилась прелюбопытнейшая, отражающая метафизические пророчества Леонова, его еретические трактовки отношений Бога и человека, его предвидение последствий эксперимента с «перестройкой».

Странный рыцарь ушедшей эпохи

Александр Файн «Прости, мое красно солнышко». М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009

Книга Александра Файна «Прости, мое красно солнышко» содержит две повести: «Мальчики с Колымы» и «Прости, мое красно солнышко», а также два рассказа: «Чистая душа» и «Дуська». Честно говоря, аннотация к книге меня не порадовала, и если бы я не догадалась полистать книгу, то вряд ли села бы писать эту статью. А книга-то оказалась завораживающая! Мальчики с Колымы, женщины с Колымы... Сколько разбитых и порушенных судеб, сколько чудовищных изломов!.. Жить или выживать, стучать или сесть самому, затаиться или выстоять? Можно ли судить за минутную слабость женщину или мужчину? Каждый из вас без греха? Кто первый бросит камень?..

Герои Файна, люди трагических судеб страшных 37-х годов, искалеченные морально и физически жертвы лагерей и ссылок, кинутые в жертвенный зев во имя мировой революции и грядущего торжества коммунизма. Какой ценой воздвиглась социалистическая империя? Чем за нее было заплачено? Уж не одной слезинкой ребенка... и не двумя...

Прежде всего проза Александра Файна привлекает тем, что он не стремится подражать известным мастерам про-

зы, а имеет свой писательский стиль, полный искренности и простоты. Глоток первозданной свежести среди литературских произведений, полных амбиций, – это замечательно, ведь именно в этой свежести и чувствуется настоящий масштаб личности, неважно, говорим ли мы о «Мальчишках с Колымы» или о «Прости, мое красно солнышко». Кстати, вторая повесть по силе восприятия ничуть не уступает первой. Отношения между мужчиной и женщиной, судьба того, кто долго выбирал, и той, которая осмелилась любить, не взирая ни на что... Почему? Почему мужчина зачастую боится сделать шаг, рискуя потерять единственную и самую главную любовь своей жизни?

Я проживаю эту книгу вместе с автором и понимаю, что в нем, Александре Файне, есть нестигаемый стальной стержень и чуткая ранимая душа, а еще... некий рыцарский кодекс, усвоенный в детстве, кодекс настоящего мужчины.

Современная литература, да и драматургия пожалуй тоже, облюбовали стиль антропофобной брезгливости к человечеству. Вывернуть, выпотрошить маленького человечка и с легкостью выкинуть его на помойку как несоответствующего естественному отбору – вот фирменный стиль многих. Как говорится: ура! Они именуют себя элитой, посещают модные тусовки или декадентские салоны и рассуждают о гламуре и количестве заработанных у. е. В теории новой классовой (а скорее, кассовой) борьбы книга Александра Файна обречена на неуспех. Там нет философских размышлений и аб-

стракционистских путешествий души в поисках гармонии во время полового акта (например), нет загадочных драм меж пошлейшего стриптиза души и тела... Скрамность и деликатность нынче не в чести, господа, не вкусно...

Куда уж автору угнаться за героями мыльных опер или иронических детективов, или даже за столпами современной интеллектуальной литературы! Слишком прост. Да-с. Ничего не поделаешь. Впрочем, каждой книге свое место и свой читатель.

На самом деле нужно понять одно: социалистическая Россия все же не была исключительно империей доносов и предательств, неотступного страха, лжи и доносов, там были люди чистые, сильные, самоотверженные, болеющие за свою Россию и ее судьбу. Не пытайтесь обвинить меня в выпренности, ее нет и в помине, а впрочем, у нас, господа, демократия, и соответственно, имею полное право на выражение своих мыслей вслух или письменно. Когда я слышу, как кричат про социалистическую гниль и вырождение, мне хочется поморщиться – окидывая взглядом нынешнюю действительность и втягивая носом воздух... В общем, вы понимаете...

Отыскивая необходимую точку опоры в современном мире, воспитывая ребенка, я подбираю себе и дочери книги, которые, как кирпичики, ложатся в систему познания и формирования личности. Книгу Александра Файна, в отличие от многих, я оставлю на полке.

Страшные сказки для президента

*Валерий Казаков «Холопы». Роман-дурь. М.: Астрель;
Владимир: ВКТ, 2009*

Валерий Казаков – автор весьма примечательный для нашей современной литературы прежде всего тем, что с 1996 года находится на госслужбе: Совет Безопасности РФ, Администрация Президента РФ – это лишь малая толика, далеко не очерчивающая всего круга занятий загадочной фигуры этого писателя. Секретарь правления Союза писателей России, член Союза журналистов – чем больше узнаешь информации, тем меньше ты понимаешь, как эти вещи сочетаются в одном человеке, достаточно сильно и гармонично сплетаясь и создавая образ мужественного и одновременно интеллектуально образованного человека. Думаю, стоит упомянуть, что кроме писательства и чиновничьей работы Казаков взвалил на себя еще часть дел по работе международного Пен-Центра после безвременной смерти его директора Александра Ткаченко в декабре 2007 года.

Читателям Казаков уже известен по роману «Тень гоблина», вышедшему в 2008 году в издательстве «Вагриус», а также по книгам «Прогнутые небеса», «Асфальт и тени», «Записки колониального чиновника», «Сон в бессонницу», книге публицистики «Разбитое сердце Карабаха» и поэтиче-

скому сборнику «Философия звука».

Неудивительно, что человек, находящийся на госслужбе, задумывается о путях развития нашей страны, о том, что ждет ее лет через пятьдесят, к примеру. «Холопы» – своего рода роман-предупреждение, сатира на современную политическую действительность, и сатира едкая. В Сибруссии, одном из трех оставшихся в мире государств, правит Президент-Император, Преемник Шестой. В этом государстве весьма узнаваемые нравы и крепостнические порядки сливаются в одну страшную картину лихого чиновничьего произвола, действующего заодно с бандитами-лиходеями, «прячущимися» в лесах.

Образы, списанные с современной действительности, до боли похожи на тексты Салтыкова-Щедрина с его сказками, страшными сказками, рассказанными на ночь. Только вот жаль, что, скорее всего, не читают нашим президентам подобных сказок их жены, пресс-секретари, нянюшки... А стоило бы... Гротеск Казакова только на первый взгляд кажется преувеличенным. Постепенно, шаг за шагом проникая в ткань романа, мы с ужасом узнаем современную действительность и начинаем соображать, что именно мы и преображаемся потихоньку в так называемых холопов.

Несмотря на то что сам автор определил этот роман как роман-дурь, многое в нем наводит на серьезные размышления. Сосуществование личности и социума порождает порой чудовищные симбиозы, страшные в своем простодуш-

ном насилии и ощущении незыблемой правоты. Привычные тезисы о несправедливом устройстве общества коренятся прежде всего в том, что некоторые души тянутся к холопству, лизоблюдству и лицедейству. Оно становится практически органичным и оттого еще более страшным. Загляните в себя, прежде чем сетовать на гнет властей и мироустройство, перестаньте разводить руками, печально констатируя: «Мы маленькие люди, что же мы можем?», потому что именно тогда и только тогда возможно изменить направление хода государственного аппарата, ползущего прямиком в Сибирсию 2057 года.

АКТуальные тексты

Валерия Мишина

Валерий Мишин «Улитка ползет по склону». Стихи, – СПб.: АКТ, 2007. – 64 с.

Попалась мне на глаза любопытная книжечка «Улитка ползет по склону» Валерия Мишина, «Собрание Актуальных текстов», 2007 год, Санкт-Петербург. И эта книжечка натолкнула меня на некие размышления, коими я, собственно, и хочу с вами поделиться.

Что такое поэзия? Ни для кого не секрет, что кроме силлабо-тонической системы стихосложения существуют также верлибр и много различных вариаций авангардной, футуристической поэзии, на сегодняшний день весьма и весьма распространенной. Не могу сказать, что являюсь ярким поклонником подобных жанров, но стремлюсь не отвергать огульно такие тексты, а понять, что же за ними скрывается. Философские размышления о жизни? Стремление к эпатажности? Поиск новых путей и форм в поэзии для наилучшего выражения смысла, ощущений, познания мира?

Книга Мишина вызвала у меня стремление разобраться в этом, поскольку наряду с текстами, которые я не приемлю в силу их излишней эпатажности, бесстыдной обнаженности и, на мой взгляд, порой и пошлости, есть там какое-то цель-

ное и чистое зерно, которое хочется очистить от плевел.

Валерий Мишин явно человек думающий, созерцательный, наделенный талантом и некоей прозорливостью, отличающей истинного поэта от графомана, хотя его «улиточный сюрреализм» может воспринять не каждый. Но, словно песок в стеклянной колбе часов, пересыпаются, перекатываются слова, добавляя их песчинка за песчинкой, и вырастает песчаный замок стихотворения. Я не зря привела именно это сравнение, потому что, кажется, подует ветер, унесет одну строчку – и весь смысл разрушится, исчезнет и останется нечто невразумительное. Сложно в такой ситуации приводить отдельные четверостишия в качестве примера, хотя кое-где и возможно. Человек начитанный, интеллектуальный, живущий в мире искусства, что видно по его строкам, Мишин, тем не менее, использует грубоватые приемы привлечения внимания публики:

беру твой указательный палец
И ногтем удаляю грязь
Из-под ногтя моего указательного пальца

поди знай
Что лучше
Понос или авитаминоз

Сосед сверху протек в третий раз
У него это вроде месячных

Я понимаю иронию автора на современную действительность, но все же такой способ изображения реальности в поэзии мне глубоко чужд, и это не ханжество, отнюдь – это мое стремление к прекрасному мешает мне, я не хочу писать мир подобными красками. Раньше поэтам служила муза – я боюсь и подумать, какой внешний облик сегодня у этой богини... Представьте его сами.

Тем не менее вот стихотворение, посвященное Геннадии Айги, совершенно великолепное, умное, тонкое:

Опять захотелось
Осторожно
Краешком глаза
Выглянуть из подмышки слона

Прилетела птичка
Устроилась на ветке
Увидела меня
Зрачок в зрачок
И испугалась

Слон как бы не в счет
Страшно от нацеленного
И такого же испуганного взгляда

Жалко птичку
Совсем маленькая

Боязливая
Чем ей помочь

А кто поможет мне

Вдруг представил себя птенцом

Прилетела птичка
Принесла что-то в клюве

– ешь дорогой
Не кричи
Я рядом

Закрыв глаза и почувствовал
Что вываливаюсь из гнезда
Спохватился и полетел

Полетел

Ощущение мира, ощущение себя малым сим, прозорливое ощущение, что в слабости есть сила, – свежесть и чистота восприятия весенним дождем льется на сердце. Интересны также стихотворения «Облако спустилось вниз», «А далее была любовь», «Прежде предпочитал ходить перпендикулярно горизонту», «Выброшенные через забор старые рваные штаны» и др. Противоречивость текстов, словно на весах вечности, – от прозрений до пошлости, в коей про-

зрений-то, собственно, не меньше... Разгадка очевидно в том, что это собрание АКТуальных текстов, где актуальность несколько отходит на второй план, выдвигая АКТ на первый. Насколько это продуктивно, целесообразно и даже коммуникабельно – решать читателю, сегодняшнему ли, завтрашнему... Я лишь высказываю сугубо индивидуальную точку зрения, и мне немного жаль того, что поверни, казалось бы, еще чуть-чуть грань стихотворения – и оно бы заблестело другим блеском, засияло другим знанием, другой ипостасью. Ну, нет так нет, на все воля творца.

Время поэта

Виталий Амурский «Тетрога теа». Франкфурт-на-Майне. Литературный европеец, 2007 г.

Новая книга Виталия Амурского «Тетрога теа», вышедшая в серии библиотеки журнала «Литературный европеец», пронизана тонкими нитями философских раздумий: о покинутой им родине, о поэзии, литературе в целом, об искусстве, об отношении к миру и взаимоотношениях с миром, о душе, о чем-то тайном, нашептанном в ночи неумолкающей музы.

Где-то печальные строки полны воспоминаний и тоски
Потемневшие вывески:

«Парикмахер», «Портной»...

Полетать бы над Витебском,

Как Шагал молодой.

В мягкой вате тумана

На вечерней заре

У стогов Левитана

Полежать на траве.

В тесной кухне московской,

Под сухое вино,

Поболтать о Тарковском

И о польском кино.

Это уходящая эпоха могикан манит к себе своей величием и силой, разворачивая плечи в узком пространстве московских кухонь и коридорах памяти, заставляя и самому себе выставить собственный счет, оценивать жизнь и выбранную дорогу:

Пока еще не пробил час финальный,
Учись ценить, что даровал нам Бог:
Провал небес и избранность дорог,
И суету квартиры коммунальной.

Потрясающе искренни и виртуозно безыскусны строки Виталия Амурского, рисующего осень. Создается ощущение прозрачности, одухотворенности, визуальности художественного мазка мастера, который пишет свою неповторимую, не похожую на другие яблочную осень:

Золотистая, с легкой охрой,
С белым инеем по утрам за окнами,
С ветерком, обнажающим деревьев кроны,
С туманами, дождиками или без оных.
Кисло-сладкая. Яблочная. Печальная.
С пирогами вчерашними да грузинским чаем,
С лужами, на которых ледок хрупок,
С дымками над крышами, как у стариков из трубок...

Льется и льется искусная вязь слов, увлекая за собой в патриархально-импрессионистскую чувственную осень про-

шлого, такую сказочную и недостижимо прекрасную.

Размышления о природе сменяются наблюдениями за человеческой душой, практически за тождественностью человека и природы, схожестью их нравов:

В душе, как в храме, легкий мрак стоит.
Такой же, впрочем, как стоит снаружи,
Где через парк подвыпивший старик
Бредет, не замечая грязь и лужи.

И прорывается крик души, ностальгия по родине русского поэта, который, и живя в Париже, одном из самых красивых и лиричных городов мира, плачет откровенными словами, роняя драгоценные слезы полузабытых видений:

И грустное, и смешное не возвращается заново,
А нынче над Парижем то звезды осыпаются,
как известка,
То что-то бормочет дождь губами Губанова,
То из времен иных Поплавский маячит
в венце из воска...

В строках поэта слышится русское наследие многих мастеров слова ушедших веков. При этом Амурский обладает исключительной силой собственного неповторимого стиля, хотя за его глубиной и исключительным даром мелькают тени Аполлона Григорьева, Иннокентия Анненского и мно-

гих других. Но многогранность и творческая неумность заставляют поэта идти дальше, создавая философские граффити, наполненные потоком сознания и потрясающей графикой пророческих снов-откровений:

Страна глухонемых. Тетрадка в клетку.
Стихов – признаний – ряд. Нелепы сны.
Поставь в бутылъ обломанную ветку.
Быть может, лепестки увидишь до весны.

Полынно-горьки обнажающие скорбь строки Виталия Амурского, посвященные памяти поэта-авангардиста Геннадия Айги:

Помотался по миру русской речи виртуоз-сверчок.
Из Московии в путь последний собрался домой —
Нынче всем молчок,
Шапки долой.

Поэзия Амурского – это сама жизнь во всей ее многогранности и многоликости, оркестровом звучании и соло. Горькая, вымученная, рожденная с болью и любовью к этому миру во всех его, порой неприглядных, проявлениях. Это время звучания слов, доносящихся через расстояния, как полет звука и света в космическом пространстве, летящих к этой земле. Авось долетят. Будут увидены. Услышаны. Поняты. Прочувствованы. Пока у поэта хватает «веры в слово, как в

чудо».

ПЫШУ СТЕХИ, или Блаженны нищие словом...

*Владислав Дорофеев «Вечерник». Авторский сборник.
СПб.: Коло, 2007.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.